

имени, как, например, в именах: 'n-m-ḥr и 'nh-ḥr. Не указаны автором в полной форме некоторые сложные имена, как, например:

'nh—f—n—Imn—dd—Hnšw—iwf—'nhj.

Не приведены автором и генеалогические данные, столь широко использованные его предшественниками, а также титулы, звания и должности, которые могли бы восстановить ту социально-экономическую почву, на которой выросли, существовали и распространялись те или иные имена. Ведь если справедлива пословица *habent sua fata libelli*, то столь же справедливой должна быть несколько иная—*habent sua fata nomina*. И этими словами должен был бы руководствоваться исследователь древних собственных имен, кладущий в основу своего изучения не только филологический, но и исторический метод.

Таковы основные недостатки работы Ранке, которые в значительной степени объясняются теми тяжелыми условиями, в которых находятся наука и ее представители в современной Германии. Профессор знаменитого в прошлом Гейдельбергского университета Г. Ранке в течение шести лет не мог найти издателя для того, чтобы опубликовать свой многолетний труд, в то время как в прежние годы научные труды печатались в Германии бесперебойно. Понижение уровня научной продукции в фашистской Германии является общеизвестным фактом, который лишний раз иллюстрируется этим вполне реальным и конкретным примером.

Проф: В. Авдиев

Новая работа по истории религии

А. РАНОВИЧ. Очерк истории древнееврейской религии. Огиз. Гос. антирелигиозное издательство. Москва, 1937, стр. XXXIV+400, цена (в переплете) 7 р. 50 к.

Не приходится говорить о значении тех проблем, которым посвящена работа А. Рановича. По истории древнееврейской религии существует в буржуазной науке огромное количество исследований, статей и очерков, которые в совокупности могут составить солидную библиотеку, но, вместе с тем, нигде, пожалуй, не сказались в такой степени партийность науки, зависимость выводов и методов исследования от конфессиональных, буржуазно-политических и узкоклассовых воззрений их авторов, как в истории евреев и еврейской религии. Тем большую ценность приобретает попытка дать марксистское освещение этих вопросов. Книга А. Б. Рановича написана на основе внимательного изучения источников. Использованы библейские книги и Талмуд, древневосточные памятники (египетские, вавилонские, ассирийские, хеттские и др.), греческие и римские источники, а также данные археологии. Привлечена огромнейшая литература вопроса, начиная от «Богословско-политического трактата» Спинозы до книг и статей, вышедших в последние годы. Мы найдем в книге указания не только на работы по истории Иудеи и еврейской религии, но и на литературу по этнологии, а также и исследования по истории различных народов древнего мира. Достоинством работы А. Рановича следует считать то, что автор не отрывает историю религии от гражданской истории, и его работа, доведенная до III в. н. э., является не только историей древнееврейской религии, но и древней историей еврейского народа.

Введение (стр. 3—5) дает общую характеристику литературы вопроса и определяет значение работы. Указывается, что «к числу самых прочных и самых вредных предразсудков относится распространяемое учеными богословами и богословствующими учеными представление, будто иудаизм, иудейская религия—целое религиозное мировоззрение, «открытое» евреям «от века», и что евреи в силу особой божьей милости или в силу особых исторических условий «пронесли свою веру через века и сохранили ее до нашего времени» (стр. 3).

«История иудаизма...»,—говорится далее,—помогает разоблачить те искусные приемы, какие пускают в ход не только еврейские, но и всякие другие церковники и буржуазные националисты, чтобы завлечь и обмануть массы трудящихся. Она наглядно показывает те классовые мотивы, которые диктуют буржуазным ученым их «объективные» теории» (стр. 5).

Глава II посвящена источникам для изучения религии древних евреев. Указаны приемы критики библейского текста и даны примеры установления различных редакций библейских книг. Менее подробно, чем на Шестикнижии, останавливается автор на исто-

рических книгах Ветхого завета, а пророческой литературе уделено лишь три страницы. Вторая часть этой главы говорит о роли археологических данных, а также памятников восточной письменности. Автор подробно останавливается на методах фальсификации источников буржуазными исследователями, находящимися на поводу у поповщины.

В основной части своего труда А. Б. Ранович доказывает следующие положения: 1) история иудейской религии тесно связана с социальной и политической историей еврейского народа, 2) иудейская религия в своем развитии прошла те же стадии, какие прошли и другие восточные религии, 3) иудейская религия развивалась не самобытно; она испытала целый ряд влияний сначала других восточных религий, а впоследствии влияние эллинистической философии; 4) иудейский монотеизм возник в позднюю эпоху и является результатом эллинистических влияний.

Основная часть работы разделяется на три большие главы: древнейшая религия евреев (стр. 84—139), религия «царской» эпохи (стр. 140—232), от иерократии к синагоге и Талмуду (стр. 233—352).

Для древнейшей эпохи еврейской истории характерным является господство родовых огношений. Анализ источников подтверждает взгляд Энгельса, что евреи были «не чем иным, как мелким племенем бедуинов, которое вступило в конфликт с другими бедуинами лишь в силу местных условий, земледелия и т. д.» (Энгельс, Письмо к Марксу, Соч., т. XXI, стр. 483).

Для религиозных представлений этой эпохи характерно то, что «первобытные анимистические представления в условиях довольно сложного уже хозяйства на высшей ступени варварства усложнились и развились в веру в особых могущественных духов, добрых и злых» (стр. 100). Представление о душе стало принимать отвлеченный характер, но учение о посмертном возмездии, о рае и аде не успело еще развиться. В это время получил развитие культ природы (почитание деревьев, камней, источников и т. д.). «Большое место в мифологии эпохи родового строя занимают родовые и племенные божества» (стр. 110). Культ предков является характерным для эпохи родового строя евреев, как и других народов. В конце главы автор разбирает подробно вопрос о происхождении праздников. Некоторые праздники являлись пережитком старинного общественного уклада. Так, например, «пасха—древнейший праздник, восходящий к эпохе кочевого или полукочевого быта пастушеских племен евреев». В других случаях древние праздники изменили свой смысл под влиянием иных восточных религий. Суббота была в древности праздником полнолуния, но под вавилонским влиянием стала праздноваться каждые семь дней.

Глава IV посвящена религии «царской» эпохи и доведена до VI в. до н. э. «История возникновения еврейского народа и еврейских государственных образований на почве Палестины совершенно несовместима с традиционной историей евреев» (стр. 142). Автор опровергает богословскую теорию о том, что объединение еврейских племен в один народ произошло еще в кочевой период Израиля. Особенное внимание уделяется мифу о пребывании евреев в Египте и исходе из Египта под предводительством Моисея. Миф этот возник в позднюю эпоху, и можно считать твердо установленным, что в основе его нет никакого «исторического зерна». Попытки найти в египетских источниках подтверждение библейских сказаний о пребывании в Египте евреев и исходе их оттуда оказались безуспешными, так как основывались на произвольных толкованиях египетских текстов. Еврейские бедуны, проникшие в Палестину, частью погибли, частью смешались с местным населением, иногда же местные жители были переведены на зависимое положение и напоминали спартанских илотов (стр. 151). Однако «с образованием классов и государства прежние племенные и национальные различия стерлись перед классовыми различиями» (стр. 151).

Разложение родового строя привело к развитию рабовладения, но особенностью иудейской экономики явилось то, что «развитие рабства, как прямой основы хозяйства, тормозилось слабостью торговли и подчинением еврейских царств сильным восточным соседям, неравномерностью исторического развития, когда местами сохранялась общинная собственность на землю и ряд институтов родового строя» (стр. 164).

Религия в этот период «все больше сростается с моральным учением, выражающим интересы господствующего эксплуататорского класса» (стр. 164). Появляется богословие, разрабатывается учение о грехе и воздаянии. Характерной для этого периода религиозной формой является политеизм, нашедший отражение в библейских религиозных книгах. В поклонении ваалам богословская традиция видела временное отпадение от единого бога. На самом же деле мы встречаемся здесь с господствовавшим в ту эпоху политеизмом. Пользуясь данными библии и археологическими памятниками, автор стремится установить иудейский пантеон и связать иудейские верования с другими восточными религиозными исследованиями. Особенное значение приобретает культ Ягве; «из духа или демона пустыни Ягве превращается в бога колена Иуды, затем бога

страны Израиля, из бога природы и стихий он становится распорядителем судеб избранного народа» (стр. 171). Этому способствуют политические события. Возвышение Иерусалима, где был культ Ягве, усиление царской власти приводят к тому, что «на Ягве начинают переносить постепенно атрибуты прочих богов» (стр. 187).

Интересным является анализ псалмов, которые при сравнении их с вавилонскими текстами показывают, что «они сопровождали культовое действие, изображавшее победу Ягве над прочими богами и освящавшее божественной благодатью власть земного царя» (стр. 198).

К централизации культа Ягве в Иерусалиме стремилось иерусалимское жречество, после разрушения Самарии избавившееся от конкурентов—израильских жрецов. С жречеством тесно связано пророчество. В противоположность общепринятым взглядам А. Б. Ранович не придает большого значения социальным мотивам в проповедях пророков. В центре их деятельности—пропаганда Ягве. Нет никаких оснований говорить и об «этическом монотеизме» пророков.

В пятой главе история иудеев от VI в. до н. э. доведена до II—III в. н. э. Охарактеризовав положение иудеев в Вавилоне, автор подробно останавливается на тех политических и социальных отношениях, какие установились в Иудее в послевавилонский период. «Буржуазные историки и богословы, игнорируя оставшиеся в Иудее трудящиеся массы и отождествляя еврейскую нацию с кучкой уведенных в плен рабовладельцев, ростовщиков и жрецов, изображают «эпоху плена», как период особого напряжения еврейского духа» (стр. 236). Но источники указывают, что основная масса населения оставалась в Палестине и отнюдь не была довольна возвращением эмигрантов; идея восстановления храма поэтому не встретила сочувствия среди большинства населения (стр. 237). В борьбе с трудящимися господствующие классы опирались на персидскую бюрократию. Политической формой, установившейся по возвращении из вавилонского плена, была иерократия. К этому времени относится окончательная централизация культа в Иерусалиме. Традиционная система храмовых и жреческих поборов была увеличена. К концу V в. была закончена обработка Пятикнижия. Взамен утраченной политической самостоятельности жречество старалось подчеркнуть мысль о богоизбранности еврейского народа, закрепить национальную замкнутость и ограниченность иудейства.

Но «закон» служил помехой для включения иудеев в семью эллинистических народов, как того требовали интересы богатых торговцев и ростовщиков» (стр. 257). В эллинистическую эпоху появляются так называемые книжники, которые стремятся реформировать религию «закона». Книжники являлись идеологами диаспоры («рассеяния»), которая начинается еще в глубокой древности и особенного развития достигает в эллинистическую эпоху. Привлекая документы и исследования, относящиеся к этому времени, автор подробно останавливается на причинах «рассеяния», а также на положении евреев в различных странах. «Менее всего соответствует действительности представление, будто евреи в диаспоре древности, в частности в Египте, занимались исключительно торговлей и ростовничеством. Документы показывают, что среди евреев диаспоры существовали те же занятия и промыслы, что и в Иудее, те же, что и у окружающего населения диаспоры» (стр. 273).

Центром евреев, живущих в том или ином городе, была синагога, которая фактически отрывалась от иерусалимского храма; при синагогах изучали «закон» и толкование его в соответствии с бытовыми условиями евреев, живущих вне Иерусалима.

Диаспора содействовала эллинизации иудейской религии, возникновению и развитию еврейского монотеизма. «В вульгарной греческой философии еврейские книжники и философы» находили не только готовый материал для сконструирования единого божества, но и метод для превращения в такое божество национального бога Ягве» (стр. 330). Наконец, в эллинистическую эпоху, не ранее II в., оформились мессианистские и эсхатологические чаяния. Автор дает характеристику различных течений среди евреев в римскую эпоху и определяет формы и методы классовой борьбы во время иудейской войны. Большое значение имеет попытка по-новому поставить вопрос о зелотах и сикариях, определить их социальный состав и политическую программу. В заключительной части книги говорится о положении евреев в I и II вв. н. э. Главным источником для истории этого времени является Талмуд, который позволяет судить о развитии религии и в тот период, который следовал за разрушением Иерусалима.

Краткое изложение книги А. Рановича позволяет сделать вывод, что автору удалось справиться с той трудной задачей, которая перед ним стояла. Мы должны сделать, однако, ряд критических замечаний. Прежде всего мы считаем, что недостаточно отчетливо определен хозяйственный строй Иудеи X—VI вв. Неубедительно то, что говорится об отличии общественных отношений в Иудее от рабовладельческих государств античности. Непонятно, что имеет в виду автор, отмечая, что в Иудее «рабы,

за исключением храмовых рабов, находились в частном владении» (стр. 163), как будто в Греции и в Риме не было частного рабовладения! Можно согласиться с автором предисловия, аки Никольским, что недостаточно обращено внимание на борьбу крестьянства в период пророков. Автор как-то игнорирует то положение, что классовая борьба может принимать религиозную окраску. Хотя мы и находим у него указание, что пророческая литература является ценным источником для характеристики социальной борьбы в «царский» период, но в дальнейшем это положение фактически опровергается, и все сводится к социальной демагогии. Следовало бы подробнее остановиться на отдельных выступлениях против ростовщичества, а также на попытках борьбы с ним—ведь подобные попытки мы находим и в странах древнего Востока и в античных городах-государствах.

Не получило отчетливой социальной характеристики и мессианство. Оно берётся лишь в поздней его форме в связи с эсхатологией. Скептицизм в отношении социальных мотивов в пророческой литературе мы считаем неоправданным. Автор говорит: «Нигде нет у пророков речи о переделе земли, об уничтожении кабальных записей, об отмене долговых обязательств, как это мы видим в аналогичных условиях в древней Греции VII—VI вв.» Ссылка на Грецию, по нашему мнению, свидетельствует о непоследовательности автора в отношении к исторической традиции. Когда речь заходит об иудейских памятниках, автор всюду стремится доказать позднее их происхождение и недоверие к их сведениям. Но ведь с таким же правом можно сказать, что упоминания о требованиях передела земли и кассации долгов в VII—VI вв. отражают лозунги радикальной рабовладельческой демократии более позднего периода—конца V и IV вв.

Следует указать, что недостаточно систематически изложена политическая история «царского» периода. Отметим далее, что недооценивается роль и значение восстания Маккавеев, как борьбы за самостоятельность Иудеи против господства чужеземцев-завоевателей. Следовало отделить руководителей восстания от их преемников Маккавеев, или Хасмонеев.

Можно указать, что в отдельных случаях преувеличивается роль заимствований. Так, например, отдельные положения кн. Завета не обязательно должны были быть заимствованы из кодекса Хаммураби или хеттских законов,—они могли возникнуть и самостоятельно в социальных условиях, аналогичных вавилонским и хеттским.

При объяснении еврейского монотеизма автор совершенно правильно выдвигает на первое место роль греческой философии, однако следовало бы обратить также внимание на различные восточные влияния.

В отношении плана можно указать, что один и тот же вопрос трактуется в различных местах. Так, слишком часто повторяется положение, что евреи не были в Египте. Доказательства лучше было сосредоточить в одном месте. Не всегда удачен стиль книги.

Но все эти недочеты не умаляют значения книги А. Б. Рановича, которая, являясь оригинальной работой по древней истории евреев и еврейской религии, вместе с тем вводит в обширную литературу предмета и подготавливает читателя к самостоятельному исследованию отдельных вопросов.

В начале книги помещено предисловие акад. Н. М. Никольского. В нем содержатся интересные замечания, касающиеся проблем критики текста Библии. Особенно интересны выводы автора предисловия относительно следов магической литературы в книге Псалмов. Верно указаны в предисловии и некоторые недочеты книги А. Б. Рановича. К сожалению, конец предисловия испорчен поверхностными рассуждениями Н. М. Никольского о социальных отношениях на Востоке в эпоху эллинизма и в римскую эпоху. Автор утверждает, что греко-македонское завоевание не сопровождалось какими-либо качественными изменениями в общественных отношениях. Относительно же всех веков римского господства сказано так: «Римские рабовладельцы рассматривали провинции, как свою добычу, и превращали их население в резервы рабской рабочей силы, а доходы этого населения присваивали себе в качестве дани, не оставляя последнему даже прожиточного минимума» (стр. LXXX). Мы считаем эти заключения просто нигилистическими, так как они игнорируют все исследования по истории эллинизма и Римской империи последних 50 лет. То, что говорится здесь о римских провинциях, может быть отнесено к эпохе республики—и то не ко всем периодам и не ко всем провинциям, в отношении же империи все это неверно и страдает крайним упрощением.

Книга А. Рановича снабжена ссылками и примечаниями, в конце приложены хронологическая таблица и хорошо составленный указатель, но оформление книги нельзя считать удачным. Напечатана книга на плохой бумаге. Ценные и хорошо подобранные иллюстрации отпечатаны так, что иногда можно лишь догадываться, что изображено на рисунке.

Н. М.